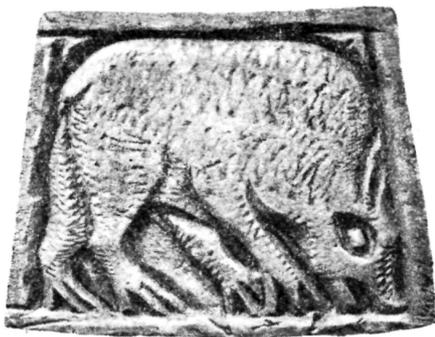

А. В. БАНК

СТАРЫЕ НАХОДКИ ИЗ ХЕРСОНЕСА В СВЕТЕ НЕКОТОРЫХ НОВЫХ ДАННЫХ

I. КОСТЯНАЯ ПЛАСТИНКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПТИЦЫ

Более 50 лет назад, в 1901 г., в Херсонесе на территории Уваровской базилики были найдены две костяные пластинки трапециевидной формы с резными изображениями животных¹. В 1903 г. обе они поступили в Эрмитаж.

1. Костяная пластинка с изображением лани (?). Херсонес

2. Костяная пластинка с изображением орла. Херсонес

На одной из пластинок (№ X. 223) изображена лань (согласно отчету — свинья), обращенная вправо, с опущенной головой — повидимому, пасущаяся (рис. 1). На второй (№ X. 224) вырезана фигура птицы (согласно отчету — орла), обращенная влево, с повернутой в противоположную сторону головой (рис. 2). Размеры пластин почти одинаковые: с изображением птицы — $5,3 \times 4,2$ и животного — $5,6 \times 4,4$ при толщине в 0,5 см.

Сохранность, если не считать небольших щербин по краям и больших на шее птицы, хорошая. Кость принадлежит домашнему животному. Оба изображения имеют рельефную рамочку, так как представ-

¹ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1901 г., стр. 39, рис. 77—78. ИИАК, СПб., 1902, вып. 4, стр. 87—88, рис. 40—41.

лены на углубленном фоне. Удачно вписанные в трапецию, они отличаются несомненной выразительностью. Лишь своеобразный поворот головы птицы, отступающий от правдивой ее передачи, можно объяснить размерами и формой пластины. Хвост и крылья орла исполнены путем глубоких вырезов, разделяющих поверхность на ряд отрезков. Характерна трактовка шкуры лани и оперения птицы рядами зигзаговидных линий, образующих тесно расположенные острые уголки. Глаза исполнены на углубленном овальном поле с сохраненным в резерве зрачком. Пластины не имеют обычных сквозных отверстий для прикрепления. Они, повидимому, служили для украшения ларца или другого подобного предмета.

В 1928 г. во время раскопок на ипподроме в Константинополе (Стамбуле) была найдена на глубине 3,5 м, в помещении II, в слое, относящемся к XII в., костяная пластинка¹. Она имеет четырехугольную форму, размеры — 5,1 × 3,7 см, толщину около 0,5 см. На пластинке, окруженной рамкой, вырезана птица, обращенная влево, с головой, повернутой в противоположную сторону (рис. 3).

3. Костяная пластинка с изображением орла. Константинополь

Ее издатель Давид Тальбот Райс видит в изображении птицы образец „чисто декоративного стиля византийского искусства“², „скорее восточного характера“, и сравнивает его с костяными пластинками, хранящимися в музее Виктории и Альберта³. Он полагает, что стиль на всех трех экземплярах тот же, но исполнение — на музейных пластинках — более тонкое, рельеф выше и работа более тщательная⁴.

Однако нам представляется, что сходство между сопоставляемыми Райсом памятниками весьма отдаленно. В сущности общность между ними ограничивается тем, что во всех случаях изображены птицы (притом на одной из пластинок, хранящихся в Музее, — птица фантастическая, напоминающая грифа). Изделий, подобных № 108 (по каталогу Гольдшмидта и Вейцмана), приведено в том же издании множество⁵. Фигура птицы № 109, резанная по слоновой кости, также мало походит на пластинку из Константинополя как по техническим приемам исполнения, так и по стилистическим чертам: она сохраняет пластичность, совершенно иной является передача оперения и фигурки в целом, другой характер носит композиция и т. д.

Между тем находка на Константинопольском ипподроме имеет поразительно близкую аналогию в нашей пластинке из Херсонеса. Та же птица, — скорее всего орел, — только несколько более удлиненных про-

¹ Second Report upon the Excavations carried out in and near the Hippodrome of Constantinople in 1928. London, 1929. D. T. R. Minor Objects. Bone, p. 46, fig. 53.

² Second Report, p. 46.

³ M. H. Longhurst. Catalogue of Carvings in Ivory. Victoria and Albert Museum. London, 1927, p. 39, pl. XVI; A. Goldschmidt u. K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII. Jahrhunderts, Bd. I. Kästen — Berlin. 1930, S. 58—59; №№ 108—109, Taf. LXIV.

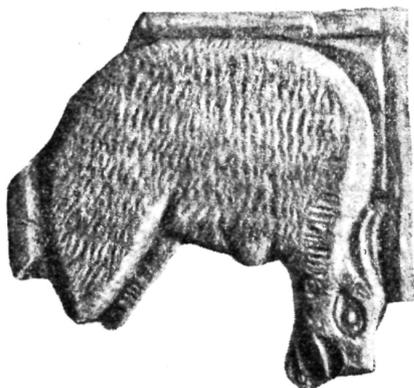
⁴ Second Report, p. 46.

⁵ Например, №№ 107, 112, 113 и др.

порций, с более длинной и тонкой шеей (вероятно, в связи с иной формой пластинки) и тот же оборот головы. Одинаковая форма и приемы в исполнении глаза и клюва, весьма близкая постановка и трактовка ног, почти тождественная разделка хвоста и аналогичная — крыльев. Наконец, на константинопольском экземпляре можно отчетливо рассмотреть отмеченный выше ряд зигзаговидных (образующих тесно расположенные уголки) линий, с помощью которых передается оперение. Среди незначительных отличий отметим две косые нарезки около головы птицы и заполнительные штрихи возле ее ног, а также между крылом и шеей и в верхнем углу пластинки. На ней имеется слева посередине круглое отверстие для прикрепления.

4. Костяная пластинка с изображением лежащей (?) лани. Херсонес

5. Костяная пластинка с изображением лежащей (?) лани. Херсонес

Близость между пластинками из Херсонеса и Константинополя настолько велика, что едва ли ее можно признать случайной.

Во время раскопок в Херсонесе было найдено довольно значительное число костяных пластинок с резными изображениями птиц и животных¹. Однако они далеко не тождественны по приемам и технике исполнения. Из числа известных нам образцов некоторое сходство с публикуемой пластинкой (в приемах передачи шкуры зигзаговидными линиями) можно усмотреть в треугольной пластинке с прорезным изображением лани² (№ X. 149; рис. 4) и, более отдаленное, с фрагментированной пластинкой с изображением не то лежащего, не то пасущегося животного (лани?) (№ X. 189; рис. 5). Однако и эти экземпляры представляются более далекими аналогиями изображению орла на X. 224, чем резная пластинка из Константинополя. В свою очередь, в столице Византии это единственная известная в настоящее время костяная пластинка, обнаруженная при раскопках. Единичные предметы подобного рода, но другого исполнения, найдены во время археологических работ в Коринфе³.

¹ См., например, Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 г., рис. 223; за 1896 г., рис. 239; за 1903 г., рис. 45 и 46.

² Отчет о раскопках в Херсонесе в 1903 г., стр. 35; рис. 47, ИИАК, СПб., 1904, стр. 79, рис. 35.

³ G. R. Davidson. The Minor Objects (Corinth. Results of Excavations, t. 12) Princeton. New-Jersey, 1952, p. 135; pl. 69, № 948.

6. Бронзовая чаша, найденная в Херсонесе

7. Бронзовая чаша, найденная в Киеве

Сходство между херсонесской и константинопольской костяными пластинками представляется настолько близким, что можно выдвинуть предположение об их изготовлении, если не одним мастером, то в той же мастерской. Подобная близость могла бы быть объяснена лишь точным копированием. К сожалению, сведения об условиях находки в Херсонесе в 1901 г. очень неопределенны. Отчеты тех лет, как правило, не фиксировали стратиграфию находок, не указывали и сопровождающий материал. Вследствие этого точная датировка находок дореволюционного времени большей частью невозможна. Поэтому нам приходится считаться с датой, устанавливаемой Д. Тальботом Райсом для экземпляра, найденного на ипподроме, — т. е. относить его к XII в. Условия, при которых были найдены костяные пластинки в Херсонесе за последние десятилетия¹, быть может, позволят снизить эту дату до XI в.

Таким образом, устанавливается новый факт, свидетельствующий о тесных взаимоотношениях Херсонеса и Константинополя в XI—XII вв. Трудно предполагать в данном случае импорт в столицу Византии из Крыма; вернее считать, что мы имеем здесь дело с привозом резных пластинок с изображением животного и орла из Константинополя в Херсонес.

Находка в Константинополе имеет, однако, значение и с другой точки зрения. Широко известно производство в столице Византийской империи изделий из слоновой кости². Эти ценные предметы (дошедшие до нас из частных собраний, хранящиеся в сокровищницах церквей, монастырей и т. п.) не могут быть точно локализованы по своему происхождению. Их бытование в среде высших кругов византийской знати не подлежит сомнению. Характерно, что на подавляющем большинстве подобных костяных изделий представлены либо сцены религиозного содержания, либо изображения, сделанные на них, воспроизводят далекие античные прототипы. В исполнении последних ощущается скванность традицией. Лишь археологические работы последних десятилетий начинают приоткрывать завесу над другой линией развития византийского прикладного искусства. В нескольких условных изображениях птиц и животных интересующей нас группы резных вещей много больше непосредственности, влияния жизненных наблюдений. Они отражают народное искусство византийского средневековья.

II. БРОНЗОВЫЕ ЧАШИ ИЗ ХЕРСОНЕСА И КИЕВА

В 1896 г. при раскопках Херсонесского городища, с северной стороны от склада древностей была найдена, как значится в отчете, „миска бронзовая, сильно разрушенная окисью; не достает дна и части сбоку. Сверху вокруг однострочная восточная надпись“³. В 1898 г. этот предмет поступил в Эрмитаж (№ X. 248; рис. 6).

Бронзовая чаша (имеющая ныне красноватый оттенок от патины) действительно сильно повреждена: у нее не хватает значительной части дна и кусков стенок; ряд мелких трещин имеется в нескольких местах по поверхности. Миска сильно помята; длина ее по окружности —

¹ Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь, 1938, стр. 282, рис. 118; его же. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса. СА, VII, 1941, стр. 241, рис. 9.

² Наиболее полный свод см. А. Goldschmidt u. K. Weitzmann. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen, Bd. I—II. Berlin, 1930.

³ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 г., стр. 166.

60,5 см, высота приблизительно (измерение затруднено утратами) — 7 см. Она имеет довольно плоскую форму и несколько утолщенный, загнутый наружу бортик. Надпись арабского шрифта расположена, как обычно на восточных сосудах, вверху по краю; она разделена на четыре отрезка, между которыми помещены вписанные в кружки орнаментальные фигуры, напоминающие пальметки. Буквы исполнены гравировкой; все пространство между ними заполнено характерными углубленными точками, выбитыми косо поставленным пунсоном. Такие же точки помещены в промежуточных медальонах. Под надписью, ограниченной с обеих сторон парными концентрическими кругами (играющими роль своего рода линейек), вырезана схематичная орнаментальная гирлянда. Она состоит из двух пересекающихся волнистых линий, как бы с ниспадающими кистями, выполненными в виде вертикальных штришков, расположенных группами (вверху из четырех, иногда пяти, внизу из двух). В овалах, образуемых пересекающимися линиями, — извилистые черточки, напоминающие запятые. Гирлянда обрамлена вверху парой концентрических кругов. Такие же круги вырезаны в трех местах на внутренней стороне.

Надпись, не полностью читаемая, по своему содержанию не дает интересного материала, так как состоит из обычных „благопожелательных формул“ (согласно определению Л. Т. Гюзальяна) и не упоминает никаких имен.

Фрагментарность сосуда и скромность его декоративного убранства явились, очевидно, причиной того, что он не привлек к себе внимания исследователей и даже не был воспроизведен в отчете. Между тем эта невзрачная чаша представляет некоторое значение не только для востоковедов, но специально заинтересовала и нас в связи с неожиданно встретившейся для нее аналогией, также хранящейся в Эрмитаже (№ ВС 405; рис. 7).

В перечне частных приношений и случайных находок, опубликованном в Отчете Императорской Археологической комиссии за 1890 г.¹, значится: „медная чаша, украшенная снаружи грубым орнаментом, глиняный кувшин, грубая терракотовая раскрашенная статуэтка женщины в высоком головном уборе и часть глиняного горшка, найденные в Киеве при прокладке водопроводных труб на Михайловской площади“. Из состава всех указанных в списке предметов лишь один поступил в Эрмитаж, но едва ли другие перечисленные вещи, найденные при случайных обстоятельствах, помогли бы в определении даты чаши. Эта чаша, сделанная из бронзы желтоватого оттенка, отличается хорошей сохранностью: только небольшая пробоинка около дна и крохотная трещинка нарушают ее. Форма сосуда и его загнутый наружу бортик весьма близки херсонесской чаше. Размеры ее (длина по окружности — 60,5 см, высота — 7 см) также совпадают с данными измерений вышеописанной чаши.

Снаружи по краю, вверху, между врезанными концентрическими кругами (вверху — один, внизу — три) расположен не просто „грубый орнамент“, как значится в Отчете, а явная стилизация арабской надписи. Она также разделена на четыре отрезка, между которыми расположены, несколько более свободно, круги-медальоны. Внутри этих медальонов, однако, не сохранилось ни следа от орнамента, а только знакомые нам по херсонесской чаше углубленные точки. Такие же точки имеются и между врезанными линиями, подражающими арабским

¹ Отчет Императорской Археологической комиссии за 1890 г., 1893, стр. 119..

буквам, но если в херсонесской чаше они органически заполняют весь фон, то здесь расположены без всякой последовательности (быть может, вследствие неправильной передачи букв). Под поясом со стилизованной надписью вырезано также нечто вроде предельно упрощенной гирлянды: это волнистая линия со спускающимися кистями в виде группы штришков-запятых. Внутри чаши — в трех местах, по стенкам — концентрические круги (расположенные по два или по три), а на дне внутри — вписанные друг в друга на различном расстоянии три круга.

Среди множества описанных в литературе бронзовых восточных сосудов, как и в составе богатой коллекции Эрмитажа, можно встретить прототипы херсонесской чаши. Однако она имеет и специфические отличия — и по общему силуэту формы, и по характеру бортика. Одной из бросающихся в глаза особенностей является заполнение фона характерными углубленными точками, исполненными ударом пунсона; вверху они глубже, внизу, как бы в результате ослабления удара, более пологие.

Как говорилось, мы не располагаем точными данными об условиях находки сосуда в Херсонесе. Можно лишь с уверенностью сказать, что, поскольку жизнь самого города прекратилась в XIV в., чаша никак не может быть отнесена к более позднему времени. Следует указать при этом, что ряд особенностей формы миски и ее декоровки, в частности надписи, позволяют датировать ее концом XIII или началом XIV в.

А. Л. Якобсон, отмечая значение тюркского населения в городах Восточного Крыма в конце XIII — начале XIV в., высказывает предположение о том, что „мусульманские купцы, хотя бы в незначительной мере, проникли в это время и в Херсон, хотя для доказательства этого никаких данных (ни письменных, ни вещественных) пока не имеется“¹. Нам представляется, что А. Л. Якобсон здесь не вполне прав², и одним из подтверждений этого является рассматриваемая чаша.

Киевская чаша представляется своего рода копией херсонесской. Оба сосуда совпадают по размерам, они имеют одинаковую форму и тип бортика. Техника исполнения киевского сосуда более грубая, что сказывается, в частности, в неровности ширины бортика, в небрежном нанесении концентрических кругов и т. п. Бросается в глаза сходство отдельных технических приемов, в частности применение почти тождественного пунсона для нанесения точек. Что касается декоровки обоих сосудов, то, как уже указывалось выше, на киевской чаше она значительно упрощена как в заполнении медальонов, так и в трактовке гирлянды. Надпись, относительно осмысленная на херсонесском экземпляре, здесь окончательно приобрела орнаментальный характер. Согласно определению Л. Т. Гюзальяна, мастера копировали надписи различного типа, но, несомненно, форма арабских букв знакома первому мастеру и не воспринята вторым.

Все отмеченные черты сходства и различия указывают на общий источник, а быть может, и единый центр производства обоих предметов. Возможно, что киевская чаша изготовлена несколько позднее, но в пределах того же XIV в.

¹ А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.). МИА № 17, М.—Л., 1950, стр. 36.

² А. Банк. Керамика из Дманиса и Херсонеса. „Памятники эпохи Руставели“. Л., 1938, стр. 179—184.

Судя по заключению специалистов, и херсонесская чаша едва ли исполнена в странах Ближнего или Среднего Востока. Возникает предположение, не является ли местом производства обоих сосудов Крым или близко к нему расположенные районы Причерноморья? Имеется ряд данных, подтверждающих наличие русских, в частности киевских, изделий в Херсонесе в XII—XIII вв.¹ Нельзя настаивать на привозе интересующей нас чаши в Киев из Херсонеса. Уточнить центр изготовления подобных вещей надлежит совместными усилиями ученых различных специальностей. Бесспорно лишь то, что эти два родственных предмета имеют общий источник производства и, следовательно, проливают скромный, но новый свет на взаимоотношения Руси и Херсонеса.

¹ А. А. Якобсон. Средневековый Херсонес, стр. 35.